

© 2019 г.

Э. КОЛОМБО

К ГЛОБАЛЬНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ? НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

КОЛОМБО Энцо – профессор кафедры социально-политических наук Университета Милана, Милан, Италия (enzo.colombo@unimi.it).

Аннотация. Преобразования, вызванные процессами глобализации, влияют на состояние социальных наук. Многие голоса, исходящие прежде всего из так называемого «Юга», требуют радикального пересмотра западных общественных наук – если не полного отказа от них. Стало очевидным, что инструментарий, понятия и методы, унаследованные от модернити, неспособны уловить сложность и изменчивость современного социального опыта, характеризующегося множеством мнений, интересов, исторических традиций. Осознание многообразия различных точек зрения на социальные науки, которые складываются за пределами классических (западных) формулировок, подталкивает развитие социальных наук в двух противоположных направлениях. С одной стороны, происходят попытки восстановления прочных основ общего знания и преодоления многообразия и партикуляризма с опорой на строго определенный методологический и концептуальный инструментарий, который призван обосновать обновленное универсалистское понимание сложности современных обществ. С другой, наблюдается тенденция признания неизбежности предвзятого, неустойчивого и необъективного социального знания. В статье представлено обоснование различных позиций и предложено интегрировать современное осмысление «теоретико-методологического» содержания социальных наук с рефлексией по поводу практик их развития.

Ключевые слова: социальная теория • глобализация • сложность • постколониализм • универсализм • релятивизм

DOI: 10.31857/S013216250006658-6

Глобализация и социальные науки. С конца прошлого века ряд преобразований – они часто обобщаются под словом «глобализация» – коренным образом изменили некоторые аспекты нашей социальной жизни. В то время как по-прежнему горячо обсуждается вопрос, является ли глобализация процессом, который постоянно шел в истории человечества, или она – результат последних технологических усовершенствований, сложился широкий консенсус относительно того, что большая часть слов и понятий, которые были восприняты обществом модернити, сейчас деформируются [Featherstone et al., 1995; Tomlinson, 1999; Urry, 2003; Gunaratne, 2010; Mignolo, 2014].

В частности, терминология и концепции, используемые в социальных науках, представляются более непригодными для понимания того, как общества меняются под воздействием процессов глобализации. Могут ли такие понятия, как класс, капитализм, современность, гражданство, культура, идентичность, общественная сфера, демократия и национальное государство – мы назвали лишь некоторые из них, – продолжать улавливать разнообразие и сложность текущей социальной жизни? Когда и как этот инструментарий оказался устаревшим? Является ли эта неспособность применить старые словари

к нынешнему опыту признаком неизбежного «конца» социальных наук, по крайней мере, в том виде, в каком мы их знали до сих пор?

В данной работе я хотел бы обсудить некоторые дискуссионные вопросы настоящего и будущего социальных наук. Цель статьи – реконструировать, хотя бы вкратце, критику предполагаемого универсализма и объективизма социальных наук, не отказываясь от гипотезы о наличии общего поля рефлексии вокруг социального опыта, которое преодолевает границы западного исторического опыта и подавляющего методологического национализма.

В качестве отправной точки я предлагаю принятое в западной науке положение о том, что глобализация действительно радикально меняет социальные ландшафты и, прежде всего, способы их интерпретации и познания [Beck, 2006; Munck, 2016; Bhambra, Santos, 2017]. Растущая глобальная взаимозависимость делает очевидным разнообразие точек зрения и предположений, которые лежат в основе нашей интерпретации реальности; инструменты социальных наук, считающиеся универсальными и вечными, подвергаются сомнению и релятивизируются [Chakrabarty, 2000; Connell, 2007a]. Глобализация расширила и одновременно дифференцировала сообщество социальных ученых – специалистов, для которых осмысление социальных процессов является их профессией. Демографическая диверсификация профессорско-преподавательского состава и студентов в университетах мира сыграла центральную роль в том, что предвзятость и ситуативность западной социальной мысли стали явными. Хотя этот критицизм циркулировал задолго до возникновения нынешней финансовой и технологической глобализации, именно с усилением различий в каноническом дискурсе социальных наук – тем, что мы, вслед за Аппадурай [Appadurai, 1996], называем идеоскейпом¹, – эта критика легитимизируется и утверждается в рамках более широкой общественной дискуссии. Умножение позиций и мнений в социальных науках также способствовало внутреннему толчку к переменам. Постколониальный проект, феминистская теория, деконструкционизм (deconstructionism), постструктурализм и интерпретативный поворот (interpretive turn) – все они движутся в одном направлении: проблематизировать предполагаемую универсальность социального знания, подчеркивая роль социально-исторических условий, которые определяют наши возможности знать и говорить о социальной реальности [Young, 1990; Bhambra, 2007; Connell, 2007b; Elliott, Lemert, 2014; Alatas, Sinha, 2017].

Осознание многочисленности различных перспектив, которые характеризуют социальные науки далеко за пределами их классического (западного) канона, как представляется, стимулирует их развитие в противоположных направлениях. С одной стороны, в социальных науках продолжают попытки преодолеть многообразие и специфику через воссоздание прочных основ единого общего знания, следуя строгости методологического и концептуального инструментария, который способен обосновать обновленное универсалистское понимание сложности современных обществ. С другой стороны, укрепляются те позиции в социальных науках, которые, очевидно, принимают неизбежность неполного, неустойчивого и предвзятого знания. Это означает отказ от притязаний на универсальное знание и признание обоснованности других точек зрения, но ценой уклонения от любой формы глубокой конфронтации между различными утверждениями об истине. Сторонники первой позиции обвиняют сторонников второй в отказе от попыток получить четкое, объективное, эмпирически/логически обоснованное представление о социальной реальности; сторонники второй позиции обвиняют своих оппонентов в продолжении устаревшего, империалистского и этноцентрического проекта.

Можно ли найти выход из этой сложной ситуации? Можно ли серьезно принимать эти критические разногласия как путь укрепления общественных наук? Чтобы ответить,

¹ Идеоскейп (ideoscape) – термин социально-культурного антрополога А. Аппадурай, введенный им для обозначения одного из элементов глобальной культуры, а именно – пространства идей, основными составляющими которого являются государственные идеологии и идеологии общественных движений. – Прим. перевод.

я считаю важным прояснить предпосылки, которые связаны со следующими вопросами: может ли существовать глобальная социальная наука? Если да, то действительно ли это улучшит наше понимание социальных процессов? Каким образом? Какие представления об обществе лежат в основе различных позиций? Какими видятся при этом роль и работа социальных ученых?

Сначала я представлю позиции тех, кто утверждает требование необходимости единства и универсальности (по крайней мере, неизменного стремления к этому) социальных наук. Затем я проиллюстрирую различные направления, в которых, напротив, утверждается необходимость многообразия в социальных науках, начиная с наиболее радикальных позиций, которые считают различные социальные науки совершенно несопоставимыми, и далее к тем, которые рассматривают плюрализм и сложность как фундаментальную черту любого социального понимания. В заключительном разделе я выделю те направления дискуссий и полемики, которые помогают представить развитие социальных наук в направлении лучшего понимания современного опыта глобальных взаимосвязей, отказываясь при этом от объединяющего синтеза.

Есть и может быть только одна социальная наука. Согласно этому подходу, способ понимания в современных социальных науках состоит в подтверждении их единства, независимо от – или вне – вариативности контекстов и исторических случайностей. Ученые, которые поддерживают эту позицию, обычно утверждают, что знание социального мира, чтобы быть полезным и обоснованным, должно быть объективным. Объективность означает, что выводы, сделанные в результате серьезного эмпирического исследования, не зависят от субъективных характеристик исследователя. Если ученые действительно объективны, полученные ими результаты независимы от какой-либо субъективной составляющей и, следовательно, универсальны. Каждый ученый, теоретически и методологически подготовленный, в одной и той же ситуации может прийти только к одному и тому же выводу.

Эта позиция противостоит онтологическому и эпистемологическому релятивизму в социальных науках (см. ниже) и утверждает, что не существует «локальных», «альтернативных» или «аборигенных» («indigenous») социальных наук [Sztompka, 2011], потому что существует и может существовать только одна социальная наука, изучающая множество разных социальных миров [Archer, 1991]. Ученые, поддерживающие эту точку зрения, обычно принимают плюрализм внутри социальных наук, но осуждают релятивизм как отказ от строгого знания социальной реальности.

Ученые, отстаивающие эту позицию, акцентируют «универсальные» и «рациональные» процедуры научного мышления. Их объединяет идея существования единого онтологического основания, определяющего все общества и все многообразие социального опыта. Рациональное исследование позволяет ученым выявить и понять закономерности, механизмы, способы функционирования и изменений в социальной жизни, несмотря на видимое разнообразие и различие, характеризующие их эмпирические проявления. Способность научным образом понимать эти универсальные закономерности не зависит от особенностей исследователя, его биографических, идеологических или географических обстоятельств. Как риторически спрашивает Штомпка: «Умудренные уроками антипозитивистского поворота, мы все же не можем отрицать, что в определенной мере и на каком-то уровне социология подобна естественным наукам. Оскорбит ли кого-нибудь в Эквадоре, Бангладеш или на Тайване тот факт, что квантовая физика родилась в Копенгагене, Гейдельберге или Беркли, или что геном человека был воссоздан в Калифорнии? Сомневается ли кто-нибудь, что сила тяжести работает в Африке, несмотря на то что она была открыта в Великобритании? Почему универсализм науки должен быть вытеснен крайним релятивизмом в социологии?» [Sztompka, 2011: 390].

Метод и логическое мышление объединяют общественные науки независимо от сложности и вариативности изучаемых социальных явлений. Подлинно глобальная социальная наука может основываться только на общем, рациональном, а не предвзятом методе. Один из способов утвердить единство социальной науки состоит в том, чтобы

взять за образец методы и аналитические категории, предоставляемые самой строгой из социальных наук – экономикой. По словам известного экономиста Хиршлейфера, «социальная наука едина. Экономическая теория обязана своими возможностями захвата чужих территорий тому, что используемые ею аналитические категории – ограниченность ресурсов, издержки, предпочтения, выбор и т.д. – являются по сфере своего применения подлинно универсальными [...] Таким образом, экономическая теория – это поистине универсальная грамматика социальной науки» [Hirschleifer, 1985: 53]. В этой связи следует предпринять усилия по более строгой формализации концептов, данных и методов социальных наук. Социальные науки следует рассматривать как особую область научного анализа, использующую один метод наравне с другими науками. Этот метод принимает математику в качестве эталона, с помощью которого можно оценить степень точности научного исследования. Это ведет к большей формализации методов, предпочтению использования количественного анализа и статистических методов.

Второй способ утверждения единства социальных наук состоит в попытке вновь свести вариативность социального опыта к универсальной базовой детерминанте. Социальные науки обнаруживают единство и универсальность, выявляя основополагающую причину, базовую структуру, которая характеризует все общества.

Образец такой позиции представляют сторонники марксистских и неомарксистских взглядов [Gamble et al., 1999; Harvey, 2017], которые утверждают, что невозможно понять и объяснить разрозненные процессы и социальные явления в отдельности, не обращаясь к историко-социальной формации, в которую они встроены, то есть к капитализму. При таком подходе истинная социальная наука возможна только через радикальную критическую мысль, способную выявить «реальную» структуру за поверхностью институционализированного (преобладающего, нормативного, идеологического) дискурса современных социальных наук [Kuhn, 2013]. Искренняя приверженность истинному знанию должна иметь целью – изобличить идеологический характер современных социальных наук (их служение неолиберализму), выявляя «реальные» (универсальные) детерминанты, формирующие социальные отношения. «Реальные» процессы, формирующие нынешнюю глобализацию (и международные отношения в целом), – процессы, навязанные капиталистической/экономической логикой, – универсальны по своим последствиям. Социальные науки призваны выявлять и обличать гегемонистскую и эксплуататорскую логику капитализма; если они не займут критическую позицию по отношению к капиталистической динамике и интересам, они будут не чем иным, как пешкой в игре капиталистического господства. В этой перспективе общество может быть понято только «в целостности с единой великой коллективной историей; только если – пусть в скрытой и символической форме – они [общество и история] рассматриваются как объединенные одной фундаментальной темой – с точки зрения марксизма, это коллективная борьба за то, чтобы вырвать царство Свободы из царства Необходимости» [Jameson, 1983: 3]. Требуемое единство общественных наук обусловлено необходимостью понять и «вывести на поверхность» единую структуру, определяющую, в конечном счете, изменчивость и сложность социального опыта. Всеобъемлющая сила, определяющая весь социальный опыт, – это, разумеется, Капитал; универсальная, подлинная и эмансипационная социальная наука должна предоставить концептуальные и практические инструменты для понимания и противодействия скрытым процессам конструирования гегемонии и эксплуатации, где бы и в какой форме они ни проявлялись.

Третий способ сохранить возможность существования единой социальной науки предполагает «новую контрсекуляризацию» (neo-counter-secularization): да, существует уникальная истинная социальная наука, но она радикально отличается от той, которая развита в западных странах. Современная социальная наука отнюдь не «универсальна» или «объективна», потому что она основана на предположениях, которые являются результатом конкретного мировоззрения, конкретных властных отношений, конкретной, предвзятой и узко понимаемой истории. Эта позиция особенно очевидна среди ученых, которые поддерживают необходимость «конфессиональной» социальной науки, основанной

на трансцендентальной вере, или, по крайней мере, претендуют на реальную интеграцию секуляризированной и религиозной/трансцендентальной мысли [Zaidi, 2007; Said, 2018]. Например, призывая к развитию «исламской социальной науки», основанной на истинной «универсальной» науке, Али и Джунаид [Ali, Junaid, 2017] утверждают, что современные науки на Западе в некотором отношении были разрушительными из-за их философских оснований, которые базировались на неправильных взглядах на жизнь, общество и мир. Они полагают, что исламская наука крайне необходима, поскольку именно она предлагает «науку», основанную на истинном понимании реальности жизни, общества и этого мира.

Претензия на единую социальную науку предполагает идею о том, что общество обладает уникальной онтологической согласованностью, которая может и должна быть понята вне вариативности социального опыта. Как пишет Штомпка, «...общества диверсифицированы: социальные условия, контексты, окружающая среда различаются, иногда радикально. Но это не значит, что должно быть много социологий, производящих знания относительно каждого локального, конкретного контекста. Закономерности и механизмы функционирования и изменений в различных обществах одинаковы» [Sztompka, 2011: 395].

Ученые, которые поддерживают существование единой социальной науки, отталкиваясь от предполагаемого онтологического единства общества, часто исходят из того, что может существовать только один способ (метод, набор понятийных инструментов) его понимания. Они признают множественность и изменчивость социальных явлений, но отвергают как онтологический, так и эпистемологический релятивизм. Они поддерживают идею о том, что, несмотря на разнообразие эмпирических проявлений, общества имеют общее ядро, набор общих определяющих факторов, которые постоянны для всех обществ. Задача социальных наук состоит в том, чтобы выделить эти общие черты.

Радикальный призыв к универсальной единой социальной науке слаб в свете размышлений, развиваемых в самих социальных науках, о конструируемом характере реальности и знаний, о неустойчивости позитивистской позиции, которая абстрагирует знание от контекста его производства и от социальных отношений, в которые наука глубоко интегрирована.

Постпозитивизм, феноменология, постструктурализм, феминистская теория, культурология, деконструкционизм и постколониальная теория, с их различными языками и специфическими взглядами, выдвинули на первый план историческую обусловленность знания и его нормативную основу. Они подчеркивали, что требование универсализма оказывается связанным с локально ограниченным видением, которое не признает своего локального характера; с историческим видением, которое не признает своей историчности. Универсальное знание признается невозможным, равно как и убеждение в том, что мы можем очистить знания от любых властных отношений и социально-исторических обстоятельств [Gutiérrez Rodríguez et al., 2010].

Предпосылка века Просвещения о том, что все общества могут быть поняты с одной и той же «объективной» точки зрения, и поиск универсальных, абстрактных и исторических теорий «выражают империалистскую волю к власти, которая не может признать социально обоснованный, неполностью воплощенный или “амбивалентный” характер всякого знания» [Go, 2013: 34].

Есть много разных обществ, поэтому нам нужны разные социальные науки. Критика идеи существования единой социальной науки особенно сильна среди ученых, придерживающихся радикальной позиции, которая защищает идею существования онтологически различных социальных реальностей, каждая из которых характеризуется уникальными и несоизмеримыми признаками. Эта альтернатива особенно ярко проявляется в так называемом «онтологическом повороте», цель которого – противопоставить [традиционной социальной науке] интерпретативную перспективу, опираясь на радикальную релятивистскую точку зрения. Как полагают ведущие ученые в сфере исследований науки и технологий: «Если для современной философии характерно масштабное преобразование онтологических вопросов в гносеологические, то поворот к онтологии действует как разворот этой траектории: он обрывает тенденцию формулировать вопросы о реальности

разнообразных миров как вопросы о разнообразии способов, которыми представлен сингулярный мир, и тем самым стимулирует осторожность к формам различия, которые не могут быть сведены к расхождению “миропонимания” [Woolgar, Lezaun, 2013: 322].

Отстаивая радикальный конструктивизм, эта позиция утверждает, что любое общество, как историческое и социальное построение, имеет уникальную онтологическую реальность: результат единичных (сингулярных) социальных процессов его создания. Каждое общество – это «практический» результат процесса его построения, уникальное сочетание контекстуальных факторов, акторов, материальных условий и «объектов», которые сделали его существование реальным. Как отмечает Латур: «Объективное знание возможно только в том случае, если оно полностью локализовано – независимо от того, насколько далеко оно простирается» [Latour, 2016: 28].

Онтология здесь – в отличие от употребления этого термина сторонниками существования лишь одной социальной науки – не относится к досоциальной и исторической «субстанции», характеризующей все общества. Она, напротив, относится к «реляционной онтологии» [Go, 2013], сосредотачивающей внимание на процессуальных и случайных факторах, которые объединяются, чтобы произвести то, что признается как социальная реальность; она относится к фактичности общества, как это обнаруживается в опыте.

Фактичность реальности, «то, что часто рассматривается как “материальный мир”, не является автохтоном, аборигенным материалом, встречающимся в опыте» [там же: 26], но есть продукт «сборки» (assemblage) множества факторов – человеческой и нечеловеческой природы – которые медленно срастаются в то, что мы называем – и признаем – социальным опытом. С этой точки зрения общества – уникальный результат специфических процессов сборки, и могут быть поняты только посредством внимательного изучения процессов, которые создали их как «реальные объекты», как общества [DeLanda, 2006]. Настаивание на случайности ассоциативных отношений, которые составляют то, что мы признаем социальным опытом, приводит к утверждению, что социальные науки должны сосредоточиться на процессах, производя локализованные описания [Savage, 2009]. Одной из главных целей социальной науки должно быть следующее: «Описывать, быть внимательным к конкретному положению дел, находить единственно адекватную оценку той или иной ситуации» [Latour, 2005: 144]. Эта позиция защищает радикальную онтологию процесса (process ontology) и связанную с ней праксеологию.

В этом ракурсе социальные науки сами по себе не являются «вещами», «объектами», «единым набором инструментов интерпретации», а процессами, формируемыми в «работе по сборке», одновременно как реальности, анализируемой социальными науками, так и реальности их собственного существования как дисциплин. Социальные науки не учреждают единый набор инструментов и методов и не могут это сделать. Они скорее являются результатом практик локальной сборки (local assembly) в выстраивании реальности и придаваемого ей смысла. Внимание к частному и случайному – к тому, что по определению не может быть концептуализировано, – в то же время является, с одной стороны, открытым стремлением к конструированию формы знания, которое уважает положение Другого, не предполагая ассимилировать его с Тожественным; с другой стороны, оно сводит теоретизирование социальных наук к вероятностному локализованному занятию.

Другое течение мысли, проистекающее из постколониальной теории, предполагает иное прочтение фундаментального разнообразия социального опыта. В своей наиболее радикальной формулировке эта точка зрения утверждает, что социальный мир (онтологически) различен, а социальные науки являются не чем иным, как интерпретационным инструментом, подходящим для понимания западного опыта. Общества онтологически различны, потому что нет неизменных факторов, ограничивающих то, как люди формируют свой способ совместного существования. Общественная жизнь предполагает открытый набор возможностей, она может принимать бесконечно разные формы, и то, как она конкретно устроена, зависит только от социально-исторических процессов ее создания. Таким образом, каждое общество уникально и не может быть истолковано или понято

«вне» своего уникального процесса становления. Когда определенный набор концепций и идей, разработанных западным обществом для интерпретации своих изменений и легитимации своих действий, используется для интерпретации других реалий и опыта, становится очевидным, что они являются идеологическим оружием, используемым Западом для установления власти над Остальными (the Rest).

По словам Миньоло, «социальные науки появились для решения проблем в Европе и способствовали тому, чтобы сделать Европу такой, какая она есть, с точки зрения институтов знаний, акторов и мыслительных категорий. Это способствовало европейскому и американскому империализму. Сомнительно, что социальные науки окажут помощь неевропейцам, стремящимся решить свои проблемы, одна из которых – западный империализм, экономический, политический, культурный и эпистемологический. Таким образом, девестернизация и деколонизация знания (и познания) означает отход от веры в то, что существует один способ познания и, следовательно, бытия» [Mignolo, 2014: 595].

С этой точки зрения, социальные науки, какими мы их знаем сегодня и как их преподают в университетах и аспирантурах по всему миру, являются специализированным дискурсом, который развивался западными элитами, чтобы разъяснять западный опыт социальной трансформации и глобальной колонизации [Mignolo, 2009]. Это значит, что специфическая сфера социальных наук как института, организованной формы производства дискурса по поводу социального – сформированная словами, практиками, правилами, специалистами, организациями, конкретными объектами и субъектами – была выстроена западными элитами, использующими собственный вокабуляр и, следовательно, определенным образом фреймирующими режим истины, легитимизированный для производства устойчивых и *правильных* дискурсов о социальном. Социальные науки – это способ, которым западные общества представляли и узаконивали свой опыт современности и свой проект по контролю и управлению населением в имперских интересах: особый и уникальный путь контроля, эксплуатации, трансформации и изменений.

Сторонники этой позиции предупреждают о необходимости признать, что нет единого пути к изменению, уникальной траектории, задающей направление, в котором неизбежно должны двигаться все общества. Мы должны признать существование множества современностей [Eisenstadt, 2000], и нам нужны различные теории, слова и концепты, чтобы понять их специфический характер [Al-e-Ahmad, 1984].

В этой перспективе социальные науки должны быть демонтированы как западный монолог, инструмент оправдания западного грабежа, эксплуатации и насильственного навязывания своих правил остальным. Социальные науки – это обман, идеологическое обоснование западного господства, они изоморфны империализму и способствуют ему [Go, 2013: 34]. Социальные науки – просто идеологии, они скорее предписывают, чем описывают, они оправдывают то, что предполагают изучать, и единственным решением является их радикальная деконструкция. Нет необходимости в глобальной социальной науке, потому что нет необходимости в социальной науке вообще (это всего лишь чистый западный миф); как с резкостью резюмирует Миньоло: «Люди во всем мире были и продолжают быть хорошими мыслителями, не прибегая к “социальным наукам”» [Mignolo, 2014: 286].

Сама идея о возможном и необходимом существовании глобальной социальной науки – это своего рода уловка. Это пример академической зависимости [Alatas, 2003]: чтобы стать широко известными и войти в стандартные учебные программы в университетах, теории в социальных науках должны быть «глобальными» (т.е. западными). Формирующиеся контекстуальные теории, несмотря на свой потенциал для контекстуальной интерпретации автохтонного образа жизни, игнорируются или обесцениваются и не находят способа войти в мейнстрим дисциплин, если они не в состоянии перевести свой язык на доминирующий (т.е. западный) язык дисциплин [Omobowale, Akanle, 2017].

Есть много разных обществ, поэтому нам нужны не разные, но дифференцированные социальные науки. Другая возможность постижения социальных наук и стоящих перед ними интеллектуальных задач состоит в признании существования

эпистемологически различных социальных реалий. В этом случае главным становится вопрос о том, как мир представлен в его многообразии, а не о том, каков мир за рамками многообразия. С этой точки зрения, социальные науки – не обязательно единственно правильный лексикон для понимания уникального опыта Запада. Напротив, они – лишь возможный способ интерпретации множества возможных проявлений социального опыта. Другими словами, они представляют собой неполный и незавершенный каталог возможных интерпретаций социального опыта. В частности, современные социальные науки не отвечают пониманию (пост)колониальных незападных культур. Глобальная социальная наука должна подчеркивать важность понимания истории и общества не как единого тотализированного нарратива, а как сети множественных разнообразных историй и дискурсов, несводимых к некоей одной уникальной западной схеме [Young, 1999; Gruzinski, 2017].

До тех пор, пока западный дискурс/репрезентация остается ориентиром, эталоном интерпретации человеческого опыта и социального мира, иные голоса и точки зрения не могут не оставаться подчиненными, т.е. неслышимыми или замалчиваемыми, потому что они вынуждены соотноситься с голосом *доминанта* (dominant)² [Bhabha, 1994; Spivak, 1999]. Каноническая, мейнстримная – т.е. западная – социальная мысль может интерпретировать мир, игнорируя «Иное» – историю и опыт незападной части мира, и это, похоже, не влияет на качество ее работы. Обратное неверно; любые неканонические голоса обязаны исходить из рассмотрения доминирующего дискурса. Голоса меньшинства подвержены тому, что Чакрабартти называет «неравенством в невежестве»³ [Chakrabarty, 2000: 28]. До тех пор пока западные социальные науки – как исторически сложившаяся область знаний и власти – остаются единственно возможным ориентиром для оценки истинности и правдоподобности утверждений о реальности мира, другие неканонические голоса не могут не быть истолкованы с точки зрения недостаточности или неполноты, что трансформируется в признание их неадекватности [Chakrabarty, 2000: 32]. Тем не менее в рамки этого воспроизведения – неизбежно неполного и недостаточного – слов доминантов всегда можно ввести формы сопротивления, рассматривая «недостаточность и неполноту» как необходимое сырье для построения иной точки зрения, иной истории, иной формы принадлежности. В этом случае «различие» становится отправной точкой для контрповествования, т.е. политическим инструментом для иного понимания мира [Bell Hooks, 1991].

Содействие развитию глобальной социальной науки предполагает «историзацию» («historicising») ее лексикона, что означает возвращение его универсалистских притязаний к тому специфическому контексту, к которому он создавался. Проект «провинциализации» общественных наук не может быть понятым как националистический, «почвенный» или ативистический. Это критический проект: критикуя «Европу», он критикует и любую старую традицию. Как отмечает Чакрабартти, «проект провинциализации “Европы”, следовательно, не может быть проектом культурного релятивизма. Он не может исходить из того, что разум/наука/универсалии, которые помогают определить Европу как модерн, просто “специфичны для культуры” и поэтому принадлежат только европейским культурам. Дело не в том, что рационализм просвещения всегда “неразумен” сам по себе, а скорее в том, чтобы детально рассмотреть, как – через какой исторический процесс – его “разум”,

² Автор вводит термин «доминант» («доминанты») в отношении лиц, групп, культур для обозначения ситуаций властных отношений, в которых названные лица (группы, культуры) без явного использования насилия или физического ограничения могут (стремятся, обладают способностью, возможностью) навязывать свои правила, язык, интерпретацию ситуации другим; тем самым они предъявляют себя как «правило», нормальность, «реальность» с целью ориентировать (направлять) поведение других. Происхождение термина Э. Колombo связывает с социологией властных отношений, главным образом с понятиями «власть» М. Вебера и «гегемония» А. Грамши. – Прим. перевод.

³ «Inequality in ignorance», или «asymmetric ignorance» – термин индийского историка Д. Чакрабартти, который объясняет, что у представителей европейской социальной науки не было необходимости читать работы специалистов Юга, в то время как последним надо постоянно соотноситься с европейскими теоретическими достижениями, чтобы быть включенными в научный дискурс «европоцентричного» мейнстрима, и это означает неравенство между ними. – Прим. перевод.

который не всегда был самоочевидным для всех, был представлен очевидным далеко за пределами почвы, на которой он возник» [Chakrabarty, 2000: 43].

Исходя из этой позиции, социальные науки должны быть пересмотрены как неполные (partial). Они могут отражать действительность, но, тем не менее, они представляют собой лишь неполную и исторически специфичную перспективу западного опыта и истории. Различные исторические традиции производили и продолжают производить различные способы рассмотрения и интерпретации социального. Возможное решение состоит в том, чтобы интегрировать их с другими перспективами и другими голосами. Это можно сделать как минимум двумя способами. Первый состоит в том, чтобы бросить вызов социальным наукам «изнутри» [Bhambra, Santos, 2017], показывая, каким образом современные – гегемонистские западные – социальные науки предстают предвзятыми и неэффективными для объяснения разнообразия глобального мира. Для конструирования иного социологического воображения – способного понять сложность современных обществ и приветствовать другие традиции и опыт – необходимо избирательно использовать европоцентричные концепции и методы, видоизменяя и адаптируя их к другим контекстам [Bhambra, 2007; Gamage, 2018]. Критика концепций и методов социальных наук дает возможность подчеркнуть, что западные общества и социальные науки неизбежно, с самого начала формировались как результат усилий по конструированию условий собственного существования путем использования и подчинения других перспектив и других голосов. Это показывает, что невозможно понять социальные науки и западные общества без учета колониализма, расизма, империализма и эксплуатации. Только переработка западной перспективы, включая исторический опыт империалистического проекта, может способствовать «реконструкции социологии, которая работает в обратном направлении, чтобы выявить другие способы исторического понимания, а затем устремляется вперед, чтобы подумать о том, как мы могли бы настроить социологию по-другому» [Bhambra, 2014: 1]. Речь идет не о том, чтобы «устранить шлак» колониальной мысли в социальных науках и очистить их от «искажающего налета», а о том, чтобы понять взаимную конституирующую взаимосвязь между развитием социальной мысли и колониальной историей. Во всех этих случаях целью развития глобальной социальной науки является главным образом историзация общественных наук.

Вторая возможность заключается в трансформации современных социальных наук извне, «снизу» [Santos, 2002; 2017; Go, 2016]. С этой точки зрения подлинно глобальная социальная наука может быть создана только с учетом ненаучных, популярных, распространенных среди местного населения знаний, которые игнорируются «институционализованными дисциплинами» и угнетаются доминирующей политической силой. Чтобы выстроить рефлексивное понимание современного глобального мира, социальные науки должны быть интегрированы благодаря «эпистемологиям Юга» [Santos, 2014], формам знания, рожденным в борьбе с империалистской и европоцентричной мыслью. Эпистемологии Юга – это форма знания, которая познает, создавая солидарность как в природе, так и в обществе [Gamage, 2018], в то время как доминирующая западная эпистемология – это форма знания, которая создает предписания, зависимость, неполноценность и империализм. Как говорит Буравой, мы должны развивать «глобальную социологию». Проект индигенизации социальных наук основан на «призыве к изучению традиций различных культур с целью их развития, посредством исследования и аргументирования, универсальных предложений и рамочных программ, которые соответствовали бы выполнению этой задачи в различных местах» [Bhambra, 2014: 83]. Глобальная социология подразумевает усилия по предоставлении пространства для исключенных из дискурса, для альтернативных голосов.

Несколько иная позиция предполагает, что глобальная социальная наука, способная понять множественность и сложность социального опыта, может возникнуть только из расширения существующего канона и его плюрализации, т.е. включения в инструментарий социальной науки работ ученых, которые ранее были исключены [Alatas, 2014; Alatas, Sinha, 2017]. В данном случае дискуссия сосредоточена на необходимости признания множественных, глобально разнообразных первоисточников социальных наук. Сторонники этой точки

зрения пропагандируют мультикультурную социальную науку: со множеством точек зрения, уходящих корнями в различные историко-культурные траектории (несоизмеримые, параллельные и понятные только в рамках их собственной истории и культуры). Их усилия можно резюмировать в слогане: «У нас есть своя социология. И она сложилась задолго до Маркса и Вебера!» Однако эта позиция является не просто горделивой апелляцией к признанию собственной, а не только «доминантов», способности производить социальное знание. Она предполагает более радикальную стратегию: выработку иной риторики, в противовес западной. Подчеркивается, что социальные теории строятся не только логически и эмпирически, но имеют и риторическую составляющую, которая нацелена на то, чтобы стать главной, гегемонистской, быть способной убедить аудиторию принять определенную версию реальности. Включение разных генеалогий и голосов в действующий канон (т.е. социальные науки, представленные в справочниках и преподаваемые в университетах) поможет разрушить общее мнение – разделяемое и «маргинализированными», – которое увековечивает глобальную академическую структуру и ставит западную социальную мысль выше других [Alatas, 1974; Gunaratne, 2010]. Во всех этих случаях развитие глобальной социальной науки предполагается главным образом за счет включения голосов Иного.

Потребность в дифференцированных социальных науках для понимания дифференциации социально-исторического опыта не отвергает западную социальную науку. Она лишь подтверждает необходимость включения в сложившийся канон различных точек зрения и мнений, независимо от того, исходят ли они из прошлого, из пересмотра исторических процессов или из опыта сопротивления и маргинализации. Различные точки зрения, поддерживающие необходимость дифференцированных социальных наук, не предполагают полного отказа от западной мысли. Они признают, что нынешний канон в социальных науках является не только причиной гегемонии и угнетения, но и пространством для сопротивления и альтернативного мышления.

Общества сложны, нам нужен более богатый инструментарий. Иная точка зрения – обычно исходящая «изнутри» западных социальных наук – требует нового синтеза, способного объединить разные социальные науки, признавая разнообразие их методов и аналитических инструментов, но подтверждая единство исследовательских вопросов и сфер применения. Например, предложение У. Бека [Beck, 2006] о космополитических социальных науках соответствует этому направлению: необходимо подтолкнуть социальные науки к радикальной трансформации, чтобы лучше адаптироваться к изменениям, вызванным глобализацией. Нужна социальная наука, которая не только включает другой опыт и перспективы модернизации, но и корректирует и переосмысливает самосознание европейской модерности [Beck, 2016: 267]. Для Бека [Beck, 2006] социальные науки являются историко-социальными явлениями; они проистекают из конкретного опыта национального государства и должны обновляться в свете нового мирового опыта. Проблема заключается в том, как избежать релятивизма локального знания, в том числе западной социологии, а не в том, как использовать локальное знание где-либо в других местах. Для продвижения космополитической социальной науки необходимо выйти за пределы национально-центричного (state-centred) дисциплинарного подхода. В исторический момент, когда становится очевидным, что значительное число соответствующих социальных явлений (т.е. иммиграция, загрязнение, глобальная экономика, преступность и культура, циркуляция людей и идей) безразличны к национальным границам, необходимо признать, что концепции времен *первой модерности* уже неадекватны задачам понимания нынешней, *второй глобальной модерности*. Необходим новый набор категорий и концепций, которые возникают в результате осмысления опыта жизни в глобализирующемся мире. В соответствии с «поворотом сложности» (complexity turn) [Urry, 2005]) глобальная социальная наука должна признать, что глобализованный мир настолько сложен, что он просто не «познаваем» посредством отдельно существующей социологической категории или исходя из одной точки зрения [Munck, 2016; Go, 2016].

Развитие глобальной социальной науки настоятельно необходимо, поскольку именно глобализация делает современные общества «глобальными», т.е. неразрывно связанными

растущей сетью глобальных взаимосвязей. Несмотря на их различные истории и различные «словари», они обнаруживают, что разделяют ставшие общими измерения, которые приобрели структурный характер. Чтобы понять современную социальную реальность, необходимо понять эту сеть растущих взаимосвязей, разработать разнообразный, адекватный и актуальный инструментарий.

Это может быть сделано не только для обогащения лексики социальных наук, включая ранее исключенные голоса, но и для смещения акцента с «фактов» на «процессы, отношения и взаимосвязи». Для развития глобальной социальной науки, способной уловить сложность современного социального опыта, необходимо перейти от «субстанциализма» к «реляционализму» [Go, 2013: 41]. Это означает отказ от идеи, что базовыми единицами социологического исследования являются субстанции или смыслы, и сосредоточение внимания на отношениях, которые придают социальным фактам локально самостоятельное бытование. Теоретизирование в социальных науках должно разрушить предполагаемую единую точку зрения (западной) модернистской и признать существование множества различных точек зрения, которые влияют на то, как мы воспринимаем и понимаем социальные отношения.

Глобальные социальные науки – это постзападные социальные науки, и они требуют «перемасштабирования» классической социальной мысли. Они должны выйти за рамки локального (национального) исследования и заменить истощающийся «методологический национализм» более артикулированным и гибким «методологическим космополитизмом» [Beck, Grande, 2010]. Как отмечает Го, «вместо того чтобы сосредоточиваться лишь на процессах, происходящих внутри обществ (западных, колонизированных или незападных) или только между ними (как в международных исследованиях), надо отслеживать процессы и отношения между различными, но связанными пространствами при создании и воссоздании заново модернистских» [Go, 2016: 41]. В центре внимания оказывается изучение глобальных процессов и взаимосвязей: как прочитывать/интерпретировать/анализировать взаимосвязи между структурными измерениями и индивидуальным опытом. Структурными измерениями, которые обнаруживают способность обуславливать социальное действие помимо пространственного измерения, чтобы распространяться на пространственно-временные измерения, определяемые больше отношениями, чем физически доступной расположенностью. Измерениями персонального опыта, которые непрерывно формируют новые языки и новые значения через постоянную привязку к местности (constant localization) и «домашнее культивирование» исходного материала, циркулирующего в глобальных сетях.

Подходы, которые избегают как Сциллы объективизма и универсализма, так и Харибды радикального релятивизма (онтологического или эпистемологического) при анализе социальных отношений, имеют преимущество в том, что они поддерживают открытую дискуссию в социальных науках и подталкивают рефлексию к поиску более сложных инструментов, полезных для понимания изменчивости человеческого социального опыта. Однако, несмотря на всю важность, позиции, которые поддерживают более сложный и разнообразный инструментарий для социальных наук, обычно разворачивают дискуссию на территории теории и риторики. Таким образом, не учитывается актуальность «практики».

Я хотел бы далее развить этот аспект, но не в качестве альтернативы позициям, которые утверждают необходимость более разнообразной и сложной социальной теоретизации, а в качестве важного вклада в развитие социальной науки, способной понять сложность современного социального опыта. С этой целью, я думаю, было бы полезно рассматривать социальные науки как способ производства знания посредством производства дискурса [Foucault, 1969, 1980]; как дискурс, который стремится стать гегемонистским [Gramsci, 1975]; как поле сравнения и различения [Bourdieu, 1979; Bourdieu, Wacquant, 1992].

Социальная наука как область практики. Перспективы, предполагающие радикальную позицию либо для защиты (восстановления) единства и универсальности социальных наук, либо для их радикальной деконструкции ввиду их идеологического характера, либо в силу онтологического разнообразия обществ, как представляется, выводят дискуссию на проблемную территорию. Отстаивание возможности уникального и универсального

способа изучения и понимания общества рискует прозвучать как неопозитивистское утверждение, устаревшее для современного теоретизирования в социальных науках, где подчеркивается актуальность контекста и случайности и конструируются более сложные связи между реальностью, представлением и знанием. Позиции, которые поддерживают радикальный релятивизм – онтологический или эпистемологический – рискуют растворить социальные науки в эфемерной игре локальных и всегда неустойчивых процессов и представить знания, извлеченные из этих процессов, несопоставимыми между той или иной ситуацией из-за радикальной несоизмеримости социального опыта.

Перспективы, которые не принимают эту утверждаемую универсальность (западных) социальных наук, способствуя развитию их внутреннего плюрализма и не ставя себя при этом в противоречивое положение радикального релятивизма, по-видимому, в большей степени способны активизировать дискуссию о том, как социальные науки могут способствовать пониманию современных глобализованных обществ. Как уже говорилось выше, они делают это различными способами. Первый – *историзировать* общественные науки, выделяя социальные контексты их развития и неизбежные пристрастия, способствуя пересмотру «изнутри». Второй путь состоит в развитии [извне] «снизу», которое привносит *инаковость* в канон социальных наук, приобщая к нему голоса самобытного опыта, тех, кого не слышали (заставляли молчать) или исключали. Третий путь предполагает расширение инструментария социальных наук в пользу *сложности*, учитывающее опыт синтеза или узкого методологического национализма. Несмотря на свой потенциал, эти попытки часто ограничиваются уровнем дискурса, теорий и текстов и не учитывают материального неравенства, институциональных и властных факторов [Keim, 2011].

Я полагаю, что было бы важно интегрировать эти позиции, признавая присущий социальным наукам теоретический и методологический плюрализм и рассматривая социальные науки как «поля», а социальных ученых – как «сообщество практик». В этом случае социальные науки идентифицируются со множеством вопросов об обществе и социальных отношениях, на которые можно ответить, используя логические критерии, имманентные социальному устройству.

Эта точка зрения признает, что социальные науки стремятся создать некоторые формы дискурса (знания) о человеческом бытии, основанные на формах имманентистского объяснения условий человеческого существования; имманентистского постольку, поскольку они не признают объяснение социального опыта с использованием понятий «природы», «реальности», «истины» и другие фундаментальных абстрактных (трансценденталистских) концептов. Социальная наука осмысливается как способ, среди многих, отвечать на общие вопросы об условиях человеческого существования; как аутопоэтическая дисциплина, которая постоянно трансформируется через «новое» поступление (как это произошло с включением прав голоса женщин, других культурных различий) в открытый процесс прогрессивной демократизации.

Первым шагом в этом направлении является понимание пристрастности социальных наук. Они ставят целью рассказать лишь «часть истории» среди множества других, которые могут быть рассказаны о социальном опыте человека. Истории, которая не лучше и не хуже других, но которая, тем не менее, обосновывает способ смотреть (конструируя) на мир, что развивает наши возможности осмысливать собственный социальный опыт. Социальные науки – это пристрастный, социально-исторический нарратив, специализированное производство, имеющее свой принцип «рассказывания правды», свой «порядок дискурса» [Foucault, 1971].

Они представляют собой условный дискурс, в котором выявляются различия и взаимосвязи; дискурс, который стремится соединить индивидуальный опыт со структурными измерениями, благоприятствуя специфическому воображению, которое признает одновременно уникальность и общность человеческого опыта [Mills, 1959; Magubane, 2005]. Дискурс, который всегда с осторожностью относится к любым утверждениям естественной и универсальной обоснованности повествований о мире. Дискурс, который

удовлетворяет этим целям, опираясь на эмпирические исследования, логическую аргументацию, опровержение и критическое мышление и сознавая при этом, что это методы и инструменты, которые не лучше других, но специфичны, которые не направлены на произнесение «истины», но помогают расширить нашу лексику.

Он [этот дискурс] сохраняет свое стремление к универсализму; однако современный универсализм (универсализм глобализации) должен признать, что отношение к «универсальному» изменилось: это уже не проекция образа доминаната (рассказчика), но также и не разнородный набор независимых (несоизмеримых) единиц. Это скорее неизбежно общий контекст, в котором разнообразие опытов и интерпретаций вписывается в среду, все в большей степени характеризующуюся взаимосвязями и сдвигами.

Универсальное следует понимать топологически: это глобальная сеть отношений. Универсальное следует переосмыслить отдельно от метафоры пространства [с его метрическими характеристиками. – *Прим. перевод.*]. Универсальное в глобализованном контексте подразумевает: «в связи с другими, потенциально многочисленными, позициями». Речь здесь идет не о «единообразии», «схожести», «эквивалентности», а об отношениях, связях, потенциальных возможностях. Это сохранение всех особенностей (исходя из контекстуальности), но специфичность зависит от сети актуальных взаимосвязей.

В своем «практическом» измерении социальные науки следует также рассматривать как поле власти, борьбы и конкуренции [Bourdieu, 1984]. Общественные науки представляют собой пространство для дискуссий – с особыми правилами, капиталами, полномочиями и иерархиями – в которых ставка делается на то, чтобы сделать собственный голос авторитетным и обеспечить «отличительную особенность» в сфере академического признания. С этой точки зрения вопрос, находящийся в центре дискуссии о локальности/универсализме социальных наук, в основном не касается дискуссии о «правде» или обоснованности утверждений. На деле он касается внутреннего порядка дискурса социальных наук [Foucault, 1971]: *как*, а не *что*; не *что* говорится, а *как* говорится. Признается, что социальные науки являются специфической областью знаний/власти, где различные субъекты борются – используя общие правила (хотя важной частью борьбы может быть изменение нынешних правил) – за гегемонию в интерпретации социальной реальности. В этой борьбе ставкой являются престиж, деньги и возможность влиять на политическую власть через накопление, использование и воспроизводство культурного капитала.

Глобализация порождает новую волну демократизации социальных наук (как это происходило в прошлом с так называемыми женскими исследованиями (women studies)), т.е. коренным образом меняет то, как мы объясняем, рассматриваем, расспрашиваем, понимаем и конструируем социальное. Решение состоит в том, чтобы «играть по правилам», пытаясь изменить правила и результаты. Социальные науки также являются работой по охране границ (boundary work) [Gieryn, 1983], попыткой контролировать, кто является частью дисциплины, а кто нет (через устройство управления университетами, журналами, научными исследованиями).

Для содействия развитию глобальной социальной науки представляется важным привлечь внимание к тому, каким образом социальные дебаты организованы в дисциплине (журналах, конференциях, книгах), различая «закрытие границ» дисциплины в субгруппах, которые контролируют границы своей территории, и содействие эффективному присутствию социальных наук в публичной сфере (через постановку провоцирующих вопросов, а не обещание простых решений).

Признание того, что истина социальных наук конструируется участником, как это принято в мире [Bakhtin, 1981] в борьбе за гегемонию [Gramsci, 1975], – означает поставить следующие вопросы: какой порядок дискурса (режим истины) создается в рамках социальных наук [Foucault, 1980], какой вид капитала производится и используется [Bourdieu, 1984], и что является ставкой в этом конкретном виде социальной практики.

Продвижение глобальной социальной науки означает признание важности специализированного пространства для производства дискурса о социальном. Глобальная

социальная наука не обязательно является универсалистской социальной теорией. Как отмечает Бек, «универсалистская социальная теория, будь то структуралистская, интеракционистская, марксистская, критическая или системная, в настоящее время является устаревшей и провинциальной. Устаревшей, потому что априори исключает то, что можно наблюдать эмпирически; провинциальной, потому что ошибочно абсолютизировала траекторию, исторический опыт и будущие ожидания западной модернизации и, как следствие, не в состоянии осознать собственную специфику» [Бек, 2016: 258]. Однако глобальная социальная наука не может быть сведена полностью к пониманию случайности и преходящего характера социального опыта. Ее статус «неполной истины» обусловлен неизменным диалогом между теми, кто имеет право голоса в этой области.

На карту в этом диалоге поставлена как возможность утвердить какую-то форму понимания (истины) о социальном мире, так и «отличительная особенность» (престиж и власть) в этой области. Развитие глобальной социальной науки должно учитывать оба процесса: «содержание» (теоретико-методологическую основу) получаемых знаний и способ их получения (контроль поля, вид и распределение значимых капиталов поля, контроль границ).

Что есть общего у социальных наук и что делает их потенциально глобальными, так это вопросы. Именно обмен вопросами стимулирует дискуссию. Участие в общем диалоге – вот то, что дают социальные науки. Чем больше этот диалог становится глобальным, тем больше включает другие голоса, другие истории и иные точки зрения, тем в большей степени расширяется словарный запас, позволяющий вести дискуссии и обеспечивать взаимопонимание. Но по-прежнему актуальны размышления о способах, при помощи которых мы можем быть допущенными или исключенными из диалога, которые определяют, какой язык может быть использован, в какое пространство можно вмешиваться, и каково символическое и материальное неравенство, делающее одни голоса более авторитетными, чем другие. Размышления как о содержании, так и о процессах в социальных науках могут способствовать их глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Alatas S.F. (2003) Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences. *Current Sociology*. Vol. 51. No. 6: 599–613. DOI: 10.1177/00113921030516003.
- Alatas S.F. (2014) *Applying Ibn Khaldūn. The Recovery of a Lost Tradition in Sociology*. London: Routledge.
- Alatas S.F., Sinha V. (2017) *Sociological Theory beyond the Canon*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Alatas S.H. (1974) The Captive Mind and Creative Development. *International Social Science Journal*. Vol. XXVI. No. 4: 691–700.
- Al-e-Ahmad J. (1984) *Occidentosis: A Plague from the West*. Berkeley: Mizan Press.
- Ali M.M., Junaid M. (2018) The Revival and Development of Islamic Science. *Islamic Perspective*. No. 19: 29–57.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Archer M.S. (1991) Presidential Address: Sociology for One World – Unity and Diversity. *International Sociology*. Vol. 6. No. 2: 131–147. DOI: 10.1177/026858091006002001.
- Bakhtin M.M. (1981) *The Dialogic Imagination*. Austin: University of Texas Press.
- Beck U. (2006) *Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016) Varieties of Second Modernity and the Cosmopolitan Vision. *Theory Culture & Society*. Vol. 33. No. 7–8: 257–270. DOI: 10.1177/0263276416671585.
- Beck U., Grande E. (2010) Varieties of Second Modernity: the Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory. *The British Journal of Sociology*. Vol. 61. No. 3: 409–443. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2010.01320.x.
- Bell Hooks (1991) *Yearning: Race, Gender and Cultural Politics*. London: Turnaround.
- Bhabha H.K. (1994) *The Location of Culture*. London: Routledge.
- Bhambra G.K. (2014) *Connected Sociologies*. London: Bloomsbury Academic.
- Bhambra G.K. (2007) *Rethinking Modernity: Postcolonialism and the Sociological Imagination*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Bhambra G.K., Santos B.S. (2017) Introduction: Global Challenges for Sociology. *Sociology*. Vol. 51. No. 1: 3–10. DOI: 10.1177/0038038516674665.
- Bourdieu P. (1984) *Homo Academicus*. Paris: Les Éditions de Minuit.
- Bourdieu P. (1979) *La Distinction: Critique sociale du jugement de goût*. Paris: Les Éditions de Minuit.

- Bourdieu P., Wacquant L. (1992) *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Chakrabarty D. (2000) *Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Connell R. (2007a) The Northern Theory of Globalization. *Sociological Theory*. Vol. 25. No. 4: 368–385. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2007.00314.x.
- Connell R. (2007b) *Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge: Polity Press.
- DeLanda M. (2006) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Continuum.
- Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 1–29. URL: <http://www.jstor.org/stable/20027613> (accessed 20.02.2019).
- Elliott A., Lemert C. (2014) *Introduction to Contemporary Social Theory*. London: Routledge.
- Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds.) (1995) *Global Modernities*. London: Sage.
- Foucault M. (1969) *L'Archéologie du savoir*. Paris: Gallimard.
- Foucault M. (1971) *L'ordre du discours*. Paris: Gallimard.
- Foucault M. (1980) *Power/Knowledge: Selected Interviews*. New York: Pantheon.
- Gamage S. (2018) Indigenous and Postcolonial Sociology in South Asia: Challenges and Possibilities. *Sri Lanka Journal of Social Sciences*. 41 (2): 83–99. DOI: 10.4038/sljss.v41i2.7696.
- Gamble A., Marsh D., Tant T. (1999) *Marxism and Social Science*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gieryn T.F. (1983) Boundary-work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 6: 781–795. DOI: 10.2307/2095325.
- Go J. (2013) For a Postcolonial Sociology. *Theory and Society*. 42: 25–55. DOI 10.1007/s11186-012-9184-6.
- Go J. (2016) Globalizing Sociology, Turning South. *Sociologica*. 2: 1–42. DOI: 10.2383/85179.
- Gramsci A. (1975) *Quaderni dal carcere*. Torino: Einaudi.
- Gruzinski S. (2017) *La machine à remonter le temps. Quand l'Europe s'est mise à écrire l'histoire du monde*. Paris: Fayard.
- Gunaratne S.A. (2010) De-Westernizing Communication/Social Science Research: Opportunities and Limitations. *Media, Culture & Society*. Vol. 32. No. 3: 473–500. DOI: 10.1177/0163443709361159.
- Gutiérrez Rodríguez E., Boatcă M., Costa S. (eds) (2010) *Decolonizing European Sociology: Transdisciplinary Approaches*. Burlington; Surrey: Ashgate.
- Harvey D. (2017) *Marx, Capital and the Madness of Economic Reason*. London: Profile Publishers.
- Hirschleifer J. (1985) The Expanding Domain of Economics. *American Economic Review*. Vol. 75. No. 6: 53–68. www.jstor.org/stable/1914329.
- Jameson F. (1983) *The Political Unconscious*. London: Routledge.
- Keim W. (2011) Counterhegemonic Currents and Internationalization of Sociology. Theoretical Reflections and an Empirical Example. *International Sociology*. Vol. 26. No. 1: 123–145. DOI: 10.1177/0268580909351324.
- Kuhn M. (2013) «Hegemonic Science»: Critique Strands, Counterstrategies, and Their Paradigmatic Premises. In: Kuhn M., Yazawa S. (eds) *Theories about and Strategies against Hegemonic Social Sciences*. Tokyo: Center for Global Studies Seijo University: 31–54.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social*. Oxford: Clarendon Press.
- Latour B. (2016) How Better to Register the Agency of Things. *The Tanner Lectures on Human Values*. The University of Utah Press, Salt Lake City. No. 34: 79–117.
- Magubane Z. (2005) Overlapping Territories and Intertwined Histories: Historical Sociology's Global Imagination. In: Adams J., Clemens E.S., Orloff A.S. (eds) *Remaking Modernity: Politics, History, Sociology*. Duke: Duke University Press: 92–108.
- Mignolo W.D. (2009) Epistemic Disobedience, Independent Thought and Decolonial Freedom. *Theory, Culture & Society*. Vol. 26. No. 7–8: 159–181. DOI: 10.1177/0263276409349275.
- Mignolo W.D. (2014) Spirit out of Bounds Returns to the East: The Closing of the Social Sciences and the Opening of Independent Thought. *Current Sociology Monograph*. Vol. 62. No. 4: 584–602. DOI: 10.1177/0011392114524513.
- Mills C.W. (1959) *The Sociological Imagination*. New York: Oxford University Press.
- Munck R. (2016) Global Sociology: Towards an Alternative Southern Paradigm. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. No. 29: 233–249. DOI: 10.1007/s10767-016-9223-9.
- Omobowale A.O., Akanle O. (2017) Asuwada Epistemology and Globalised Sociology: Challenges of the South. *Sociology*. Vol. 51. No. 1: 43–59. DOI: 10.1177/0038038516656994.
- Said M.M.T. (2018) Islamic Education on Science, Peace, and Development in Thought of Said Nursi. *Jurnal Study Al-Qur'an*. Vol. 14. No. 2: 109–122. DOI: 10.21009/JSQ.014.2.01.
- Santos B.S. (2002) Toward a Multicultural Conception of Human Rights. In: Hernández-Truyol B.E. (ed.) *Moral Imperialism. A Critical Anthology*. New York: New York University Press: 39–60.
- Santos B.S. (2014) *Epistemologies of the South. Justice against Epistemicide*. Milton Park: Routledge.

- Santos B.S. (2017) Epilogue. A New Vision of Europe: Learning from the South. In: Bhabra G.K., Narayan J. (eds) *European Cosmopolitanism. Colonial Histories and Postcolonial Societies*. London: Routledge: 172–184.
- Savage M. (2009) Contemporary Sociology and the Challenge of Descriptive Assemblage. *European Journal of Social Theory*. Vol. 12. No. 1: 155–174. DOI: 10.1177/1368431008099650.
- Spivak G.C. (1999) *A Critique of Postcolonial Reason*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Sztompka P. (2011) Another Sociological Utopia. *Contemporary Sociology*. Vol. 40. No. 4: 388–396. DOI: 10.1177/0094306111412512.
- Tomlinson J. (1999) *Globalization and Culture*. Cambridge: Polity Press.
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.
- Urry J. (2005) The Complexity Turn. *Theory, Culture & Society*. Vol. 22. No. 5: 1–14. DOI: 10.1177/0263276405057188.
- Young R.J.C. (1990) *White Mythologies. Writing History and the West*. London: Routledge.
- Woolgar S., Lezaun J. (2013) The Wrong Bin Bag: A Turn to Ontology in Science and Technology Studies? *Social Studies of Sciences*. Vol. 43. No. 3: 321–340. DOI: 10.1177/0306312713488820.
- Zaidi A.H. (2007) A Critical Misunderstanding. Islam and Dialogue in the Human Sciences. *International Sociology*. Vol. 22. No. 4: 411–434. DOI: 10.1177/0268580907078007.

Перевод с англ. С.Г. КИРДИНОЙ-ЧЭНДЛЕР, И.П. ПОПОВОЙ

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР Светлана Георгиевна, д. социол. н., вед. науч. сотр. Института экономики РАН (kirdina@bk.ru); ПОПОВА Ирина Петровна, к. социол. н., вед. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ (irina_popova@list.ru). Обе – Москва, Россия.

Статья поступила: 04.03.19. Принята к публикации: 29.07.19.

TOWARDS THE GLOBAL SOCIAL SCIENCES? SOME PRELIMINARY REFLECTIONS

COLOMBO E.

University of Milan, Italy

Enzo COLOMBO, Prof., Department of Social and Political Science, University of Milan (Università degli Studi di Milano), Italy (enzo.colombo@unimi.it).

Abstract. The transformations brought about by globalization processes have put social sciences under stress. Several voices, especially from the so-called 'South', claim a radical revision – if not total rejection – of the (Western) social sciences. It has become evident that the tool-kit of concepts and method inherited from modernity seems incapable of grasping the complexity and variability of current social experience, characterized by a plurality of voices, interest, historical traditions. The awareness of a plurality of different perspectives that characterize the social sciences well beyond their classical (western) formulation seems to push social sciences towards two opposed direction. On the one hand, part of social sciences tries to regain the solid ground of a shared knowledge, overcoming diversity and particularity, running after a rigorous definition of methodological and conceptual tools that can help founding a renewed universalistic comprehension of the complexity of current societies. On the other hand, another relevant part of social sciences seems to surrender to the unavoidability of partial, instable and biased knowledge. The paper presents the rationale of the different positions and suggest integrating the current reflections about the 'theoretical and methodological' content of social sciences with a reflection about the 'practices' of doing social sciences.

Keywords: social theory, globalization, complexity, postcolonialism, universalism, relativism.

Transl. by Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Economics RAS (kirdina@bk.ru); Irina P. POPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS of RAS, NRU HSE (irina_popova@list.ru). Both – Moscow, Russia.

Received: 04.03.19. Accepted: 29.07.19.